
ЭССЕ

К ВОПРОСУ О СОЗРЕВАНИИ ОБЩЕСТВЕННОГО ХАРАКТЕРА ТРУДА

Павлидис Периклис – к.филос.н., ассистент-профессор Салоникийского Университета имени Аристотеля (Греция)

Несомненно, одна из самых существенных тенденций современного общественного развития – это проникновение научного знания почти во все сферы экономической и социальной жизни. Данное явление принято называть научно - технической революцией. Под этим имеется в виду наблюдаемое в последние десятилетия динамичное развитие науки и техники и их тесное взаимодействие, существенное повышение наукоёмкости всех отраслей производства и увеличение объема интеллектуального труда в совокупном общественном труде. Наука превращается в непосредственную производительную силу. При усовершенствовании способов верификации результатов научных исследований и моделирования их прикладного потенциала сокращается расстояние между научными открытиями и их внедрением в производство. Одновременно наблюдается невиданное раньше, крупномасштабное развёртывание научно-исследовательской и проектно-конструкторской деятельности при разных формах международной кооперации, с участием как государственных академических заведений так и научно-исследовательских структур крупных компании. Научно-технический прогресс осуществляемый в рамках господствующих капиталистических отношений приводит к колоссальным изменениям в характере как средств производства так и трудовых способностей человека.

Автоматизация производства как материальный аспект созревания общественного характера труда

Особо знаменательной тенденцией стала автоматизация производства, в результате широкого внедрения в него информационных технологий и комплексных автоматизированных систем. Помимо линии и цехов сегодня автоматизируются целые заводы¹.

Научно-технический прогресс и автоматизация производства охватывают не только промышленность но и сферу услуг и управления и делают первые шаги в сторону коренного преобразования сельского хозяйства, через применение биотех-

¹ Pinto J. Fully automated factories approach reality // Automation World. 2003, October. <http://www.automationworld.com/networking-amp-connectivity/fully-automated-factories-approach-reality>

нологий и генной инженерии². По сути дела снимается, в определенной степени, весь предшествующий тип производственной деятельности людей, что одновременно обостряет противоречия капиталистического способа производства и делает более явными его ограниченные исторические возможности³.

Данная тенденция имеет, конечно, колоссальное значение для будущего человечества. Она создает условия, позволяющие представить возможность социальной эмансипации. Интересно заметить, что Аристотель, мысля гипотетически о совершенно невероятной в те времена автоматизации производства, напрямую связывал ее с преодолением эксплуатации труда:

«Если бы каждое орудие могло выполнять свойственную ему работу само, по данному ему приказанию или даже его предвосхищая, и уподоблялось бы статуям Дедала или треножникам Гефеста, о которых поэт говорит, что они «сами собой (automatous) входили в собрание богов»; если бы ткацкие челноки сами ткали, а плектры сами играли на кифаре, тогда и зодчие не нуждались бы в рабочих, а господам не нужны были бы рабы»⁴.

Следует отметить, что автоматизация средств производства означает созревание их общественного характера и поэтому она касается основной направленности исторического развития общества.

Относительно понимания общественного характера производства, мы здесь исходим из положения В. А. Вазюлина о том, что развитие общества и производства как таковых не сводится просто к смене общественных формаций, а заключается в появлении предпосылок, первоначальном возникновении, формировании и созревании самого социального, самого трудового – производительного отношения к природе, как такового, самых общественных отношений как таковых, через постепенное преобразование первоначальных естественно возникших связей людей друг с другом и с остальной природой⁵. Из этого положения следует общая посылка о том, что роль интеллекта и знаний в трудовой деятельности, их значение для материального производства на разных этапах развития общества соответствуют той степени, в кото-

² Rifkin J. *The End of Work: The Decline of the Global Labor Force and the Dawn of the Post-Market Era*. N.Y.: G.P.Putnam's Sons, 1995, pp. 59-68, 90-128.

³ Джереми Рифкин, акцентируя внимание на массовом сокращении трудовой занятости в результате компьютеризации и автоматизации производства (явление, которое он называет «концом работы»), комментирует их последствия следующим образом: «Ирония заключается в том, что чем ближе мы подходим к технологической реализации утопической мечты, тем мрачнее выглядит будущее. Это происходит потому, что рыночные силы продолжают генерировать производство и прибыль, не думая о предоставлении большего свободного времени миллионам работников, теряющих свою работу». Ibid., p. 56.

⁴ Аристотель. *Политика* // Сочинения. Т. 4. М.: Мысль, 1983, с. 381.

⁵ См.: Вазюлин В.А. *Логика истории*. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988, с. 308-319.

рой природные факторы труда и природные аспекты трудовых отношений преобразованы социальными, той степени в которой труд и общество как таковые сформировались и созрели.

Если коротко рассмотреть историческое развитие производственного взаимодействия людей с природой, то мы видим что первоначально люди потребляли предметы полученные в готовом виде от природной среды, воздействуя на неё с помощью средств также полученных в готовом виде от природы. Образование самих предметов потребления происходило естественным путем, люди лишь пользовались плодами естественных процессов, оставаясь при этом полностью зависимы от них. Далее человечество постепенно перешло к производству предметов потребления с помощью произведенных средств, которые долго представляли собой разные виды ручных орудий труда, в то время как земля оставалась главной производительной силой.

Труд, в своем первоначальном виде, имел коллективный характер. Он осуществлялся в рамках родовой общины, члены которой, в своих кровнородственных связях, представляли собой единую производительную силу. Это было естественно-возникшее единство людей, обусловленное биологическими узами, а не трудовыми-социальными. С возникновением же частной собственности на ручные орудия труда и классовых отношений, общинно- родовое единство разрушается, хотя оно сразу и полностью не исчезает.

При господстве ручного труда эффективная деятельность работника зависела в основном от его индивидуальных качеств: от физической силы и выносливости, от личных навыков и эмпирического знания. Поэтому кооперирование работников ручного труда в до-индустриальных классовых обществах имело характер внешнего объединения их более-менее однородных индивидуальных физических сил и навыков. Такому типу труда в большей степени соответствовала частная собственность на индивидуальные орудия производства.

Пока господствовал основанный на сугубо эмпирическом знании ручной труд, производственное воздействие людей на природу имело весьма ограниченный, поверхностный характер, а производимый продукт оставался скудным.

В рамках капиталистического способа производства, особенно после его вступления в стадию промышленной революции, происходит динамичное развитие производительных сил. Основным средством производства становятся машины, с помощью которых производственное преобразование природы охватывает большую часть поверхности и часть недр земного шара. Машины производят предметы потребления в массовом масштабе и постепенно ограничивают число работников, нужных для их функционирования, заменяя мускульную силу человека преобразованными силами природы.

Развитие крупной промышленности повлекло за собой широкое использование науки в системе материального производства. Кроме того, распространение про-

мышленного труда сделало необходимым все возрастающее массовое школьное обучение трудящихся, предоставление им определенных научных знаний а также развитие у них, по мимо практических навыков, и определенных умственных способностей.

В процессе развития крупной промышленности происходит формирование собственно общественного характера производства. Согласно известному выводу К. Маркса, машины «функционируют только в руках непосредственно обобществленного или совместного труда ... кооперативный характер процесса труда становится здесь технической необходимостью, диктуемой природой самого средства труда»⁶. Развитие промышленности приводит к созданию производственно-технологических комплексов машин, требующих для своего функционирования определённой организации и координации действий разных частей производства (линий, цехов, заводов, отраслей).

Но следует отметить, что при доминировании крупной промышленности общественный характер производства ещё не становится зрелым. Как отмечает В. А. Вазюлин, «собственно машинное производство (в отличие от автоматизированного производства) не представляет собой и не может представить внутренне единый в масштабах отдельной страны, а тем более человеческого общества в целом процесс производства. Машинное производство распадается на отдельные, пусть и крупные, внешне связанные производственные процессы»⁷.

Только с началом широкой автоматизации производства становится обозримой перспектива создания комплексной системы самодействующих производительных сил, при производстве автоматов автоматами, с возможностью обеспечения количественного и качественного изобилия материальных благ⁸. При этом, изобилие благ следует понимать как возможность оптимального удовлетворения индивидуальных потребностей каждого человека⁹.

⁶ Маркс К. Капитал//К. Маркс, Ф. Энгельс, Сочинения. Т. 23, М.: Госполитиздат, 1960, с. 397.

⁷ Вазюлин В.А. Логика истории. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988, с. 296-297.

⁸ См. там же, с. 304.

⁹ Наше понимание данного вопроса близко к идеи «prosuming», которую высказал Элвин Тоффлер, имея в виду перспективу слияния потребителей с производителями, когда потребители, с помощью информационных технологий, будут непосредственно связываться с производителями и давать им точную персонализированную информацию относительно нужных продуктов. Тоффлер считает, что данная перспектива подорвет основы рыночной экономики, так как рынок возникает вследствие разрыва между производителем и потребителем, а когда этот разрыв сужается, функционирование рынка ставится под сомнение. См. Toffler A. The Third Wave. N.Y.: Bantam Books, 1981, p. 276.

Следует отметить, что, по всей видимости, следующие шаги автоматизации

Можно ожидать, что при зрелой автоматизации производства (повсеместное достижение которой не представляется возможным при капитализме, так как это означало бы самоуничтожение капиталистического способа производства), как в начале человеческой истории, люди будут иметь дело с производством предметов потребления самостоятельными и самовоспроизводящимися процессами, но находящимися теперь под их общим контролем. Сама суть тенденции автоматизации производства заключается в создании и распространении управляемых человеком производственных систем, способных к высокому уровню саморегуляции и самовоспроизводства.

Эта перспектива создает впечатление возвращения к исходному пункту истории, когда образование предметов потребления происходило независимыми от человека естественными процессами. Но это есть как бы возвращение, потому, речь идет об автоматизированном производстве функционирующим под общим контролем людей¹⁰. Автоматизация производства, именно тем, что она заключается в использовании производительных сил созданных трудом и действующих по заданной людьми программе знаменует созревание самой управляемости-планомерности производительных сил в целом, что еще полностью не возможно при простой механизации производства, так как в нем широко сохраняется производственное значение не преобразованных природных факторов: климатических условий, организма растений и животных, человеческой физической рабочей силы. Это в свою очередь предполагает превращение интеллектуальной, научно-исследовательской деятельности в основной труд людей, необходимый для управления автоматизированными производительными силами и процессами.

Превращение науки в производительную силу и связанный с этим процесс автоматизации производства делают обозримой возможность (при определенных социальных условиях) освобождения трудящихся от прямого участия в процессе производства, в качестве физической рабочей силы, необходимой для непосредственного оперирования средствами труда, и превращения их в коллективный субъект управления этими средствами. Речь идет о перспективе замены в производстве физических сил рабочих их культурно-интеллектуальными, преимущественно социальными силами.

Выражаясь словами К. Маркса, в такой ситуации,

производства будут направлены на выпуск индивидуализированных продуктов на основе непосредственной коммуникации потребителей с автоматизированными производственными единицами. См. Alessi C., Gummer C. Germany Bets on 'Smart Factories' to Keep Its Manufacturing Edge // The Wall Street Journal. 2014, October 26. <http://www.wsj.com/articles/germany-bets-on-smart-factories-to-keep-its-manufacturing-edge-1414355745>

Hessman T. The Dawn of the Smart Factory // Industry Week. 2013, vol. 262, issue 2. <http://www.industryweek-digital.com/industryweek/201302?pg=3#pg3>

¹⁰ Вазюлин В.А. Логика истории. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988, с. 308.

«главной основы производства и богатства выступает не непосредственный труд, выполняемый самым человеком, и не время, в течение которого он работает, а присвоение его собственной всеобщей производительной силы, его понимание природы и господство над ней в результате его бытия в качестве общественного организма, одним словом – развитие общественного индивида»¹¹.

Общественный характер интеллектуального труда

Определяющая роль интеллектуального труда в производстве знаменует созревание общественного характера труда, как такового. Интеллектуальный труд есть по преимуществу общественный труд, названный К. Марксом «всеобщим трудом»: «Всеобщим трудом является всякий научный труд, всякое открытие, всякое изобретение. Он обуславливается частью кооперацией современников, частью использованием труда предшественников»¹².

Говоря об интеллектуальном труде нам следует отличать мыслительную деятельность в виде нетворческих, механических и сугубо рассудочных умственных действий по сбору, хранению и поверхностной обработке информации, которая сохраняется в больших объемах при незрелой – неполной автоматизации производства (при не завершившейся автоматизации низких, нетворческих форм интеллектуального труда), от собственно творческой, разумной мыслительной деятельности, которая состоит в познании процессов развития, в проникновении во внутренние стороны предметов и понимании динамики развертывания их сущностных противоречий.

Если рассудочное мышление, взятое само по себе, отражает свой предмет в абстрактных, застывших, оторванных друг от друга понятиях, то разумное мышление, снимая рассудочное, воссоздает свой предмет через систему диалектически взаимосвязанных и поэтому подвижных, развивающихся категории¹³.

Разумное мышление сопряжено также со способностью рефлексировать над самим мышлением, над законами, процессами и противоречиями самой мыслительной деятельности, что является предпосылкой именно сознательного осуществления этой деятельности¹⁴.

Развитое, разумное мышление как по преимуществу сознательное мышление, предполагает осознание личностью самой себя, осмысление жизненной позиции и цели жизни. Поэтому, можно сказать, что творческий интеллектуальный труд возмо-

¹¹ Маркс К. Экономические рукописи 1857-1861гг. ч. II. М.: Политиздат, 1980, с. 216.

¹² Маркс К. Капитал//К.Маркс, Ф.Энгельс, Сочинения. Т. 25, ч. I, М.: Госполитиздат, 1961, с. 116.

¹³ Вазюлин В.А. Рассудочное и разумное мышление в развитии познания//Диалектика процесса познания/Под ред. М.Н. Алексеева, А.М. Коршунова. М.: Изд-во МГУ, 1985, сс. 185-189.

¹⁴ Там же, с. 177.

жен у личностей – носителей сознания, развитого во всех его основных формах, моральной, эстетической и философской, т. е. у людей способных осознавать себя, свое место в общественных отношениях, и проектировать свою жизнедеятельность согласно законам добра, красоты и истины.

Таким образом, интеллектуальный труд в его наивысшем развитии, как зрелый общественный труд, есть именно разумная мыслительная – научная деятельность, внутренне единая с моральной, эстетической и философской формами сознания. Правда в сегодняшних процессах интеллектуализации труда мы можем говорить только об элементах разумного мышления, так как доминирующими, даже в сфере сугубо научно–исследовательской деятельности, является пока рассудочное мышление. Здесь следует отметить, что интеллектуальный труд (научно–исследовательский, проектно–конструкторский, управленческий, организационный, художественный, учительский, педагогический) является по преимуществу общественным трудом не просто потому, что он осуществляется многими кооперированными людьми, а потому, что предполагает применение специфических, коллективных, универсальных средств (понятий, категорий, формул, теоретических концепций, эстетических форм), которые могут быть использованы каждым человеком в отдельности и одновременно оставаться достоянием всего общества, и при этом никогда не отчуждаться от их первоначальных создателей.

Интеллектуальная деятельность в качестве всеобщего труда, в своей индивидуальной непосредственности есть общественный труд по тому, что осуществляется через когнитивные ресурсы, связанные со всеми культурными достижениями человечества (со всеми достижениями в сфере науки, искусства и философии) в процессе его исторического развития, через применение сформировавшихся в истории всеобщих способов мыслительной деятельности.

Результаты интеллектуального труда – неотъемлемы от сознания их творцов и носителей. Они не могут стать собственностью других людей посредством обмена. Их приобретение в принципе не может быть сведено к обмену на предметы эквивалентной стоимости или на всеобщий эквивалент мертвого абстрактного труда, на деньги.

Эти результаты передаются, распространяются, становятся достоянием других людей с помощью различных форм познавательной и образовательной деятельности. Присвоение творений интеллектуального труда предполагает деятельность, само по себе есть интеллектуальная деятельность, образование, формирование личности. В отличие от случая с товарным производством, где общественный характер любой потребительной стоимости подтверждается не непосредственно в производстве, а в сфере обмена – обращения товаров, в случае с творениями интеллектуального – всеобщего труда, это сама трудовая деятельность людей, в качестве научно–исследовательской, управленческой, художественной, педагогической культурной деятельности, которая подтверждает их общественный характер. Кроме того, резуль-

таты интеллектуального труда, при использовании не уничтожаются, не изнашиваются, а наоборот, обогащаются через интеллектуальную деятельность других людей, развиваются как подлинно всеобщие творения человечества. Поэтому для развития интеллектуального труда крайне необходимо установление товарищеских отношений между его носителями, обеспечивающих их свободное культурное взаимообогащение.

В случае доминирования автоматизированного производства и интеллектуально-го труда коренным образом меняется способ, которым люди присваивают средства производства и включаются в производственную деятельность. В течение долгого исторического периода присвоение средств производства, а в классовых обществах и рабочей силы, которая приводит их в движение, имело характер физического обладания ими, установления физического контроля над ними. При современном капитализме присваивать – в большой степени означает владеть чем-то и контролировать что-то (предмет, условия и средства труда, рабочую силу) в качестве объекта.

По этому, в той мере, в которой капиталистические отношения проникают во все сферы человеческой жизни создается фетишизированное представление о человеческом богатстве, отождествляющее его с непосредственным, частным обладанием вещей. Вещами конечно можно обладать и пользоваться в качестве предметов индивидуальной или частной собственности. Но произведения духовного творчества, искусства, науки и философии, никак не становятся нашими от того, что мы непосредственно владеем их материальными носителями: полотном, пластинкой, книгой и.т. д. Настоящее освоение этих произведений, например художественного изображения или научной теории, предполагает эмоциональное и мысленное проникновение в их содержание, т. е. деятельность нашего сознания, во время которой не просто воссоздается в нем духовное творчество другого человека но и производятся новые идеи при нашей рефлексии над этим творчеством.

Освоение творений сознания (науки, искусства, философии) может иметь место только как интеллектуальная деятельность каждой личности, в рамках коллективной деятельности людей по духовному отражению и воссозданию действительности, а также по выработке целей производительного отношения к ней. Такого же типа освоение влияет непосредственно на развитие индивида, обогащает личность достижениями человечества. Данное освоение и есть мера настоящего человеческого богатства. Выражаясь словами К. Маркса, если «отбросит ограниченную буржуазную форму», тогда «чем иным является богатство, как не абсолютным выявлением творческих дарований человека, без каких-либо других предпосылок, кроме предшествовавшего исторического развития, делающего самоцелью эту целостность развития, т. е. развития всех человеческих сил как таковых, безотносительно к какому бы то ни было заранее установленному масштабу?»¹⁵.

¹⁵ Маркс К. Экономические рукописи 1857-1861 гг., ч.I. М.: Политиздат, 1980,

В ситуации зрелой автоматизации, присвоение средств производства может осуществляться только как коллективная деятельность по управлению ими, по планированию и организацию производственных процессов. В данном случае присвоение этих средств означает их интеллектуальное освоение, распределение закодированных в них научных знаний. Каждый отдельный человек может присвоить эти средства только как носитель знаний и интеллектуальных способностей, необходимых для участия в коллективной работе по управлению ими.

Интеллектуальный труд, как зрелый общественный труд, осуществляется индивидами носителями сознания и действующими сознательно, т. е. развитыми личностями – внутренне едиными своими социальными узлами. Доминирование интеллектуального труда и когнитивной деятельности, вообще, знаменует превращение людей, в их социальном единстве, (только при таком единстве формируется и развивается мышление–сознание) в единую производительную силу. Когда люди работают в качестве носителей мышления–сознания и через него, то главной производительной силой является по существу их трудовое отношение как единство их интеллектуального, культурного, творческого потенциала, как внутренняя общественная связь всесторонне развитых личностей. Всеобщее доминирование интеллектуального труда, в качестве деятельности людей представляющих единую производительную силу, знаменует зрелое социальное объединение людей, созревание самых общественных отношений, как таковых.

Интеллектуальный труд сопряжен и с радикальным изменением пространственно – временного измерения трудовой деятельности. В случаях доминирования физического труда (включая труд по оперированию машинами), имеет место четкое разделение между временем проводимом в рабочем месте, в котором потребляется рабочая сила, и свободным временем, в течение которого эта сила восстанавливается. Сама же способность к труду работников физического труда зависит в основном от их физического строения, от мышечной системы, предполагая одновременно определенные навыки и знания, в основном эмпирические.

Таким образом, в классовых обществах при эксплуатации работников физического труда критическое значение имеет установление контроля над их телом (над скоростью, интенсивностью, продолжительностью движения тела в качестве непосредственной производительной силы), либо путем прямого надзора, либо путем подчинения рабочего строгому ритму машин, что обеспечивает интенсификацию производительного потребления рабочей силы.

В данном случае обеспечение контроля над телом имеет решающее значение для эксплуатации физической силы трудящихся. Тем не менее, эксплуатация рабочей силы не может превышать некоторые пределы. Именно поэтому рабочее время должно чередоваться периодами свободного времени, для отдыха и индивидуально-

го потребления с целью восстановления рабочей силы.

Для капиталистического способа производства вопрос рабочего времени всегда имеет первостепенное значение, во-первых, в том смысле, что длина рабочего дня и времени эксплуатации рабочей силы должна быть близка к максимально возможному уровню (производство абсолютной прибавочной стоимости), а во-вторых, в том смысле, что время, необходимое для производства средств индивидуального потребления должно непрерывно уменьшаться в целях снижения стоимости рабочей силы, так чтобы за ту же длину рабочего дня производить больше прибавочной стоимости (производство относительной прибавочной стоимости).

Когда преобладает физический труд (либо для использования ручных орудий труда, либо для оперирования машинами) восстановление способности к труду (именно физической способности) происходит вне трудового процесса, во время отдыха, и связано в основном с непроизводственным индивидуальным потреблением, с удовлетворением биологических потребностей трудящихся. К ним мы можем прибавить удовлетворение элементарных культурных потребностей, которое происходит в форме развлечения – временного снижения психического напряжения, вызванного отчужденным, утомительным, монотонным и вредным трудом. В данном случае, для воспроизводства способности к труду необходимо прекращение трудовой деятельности.

В условиях промышленного капитализма норма для подавляющего большинства наемных рабочих есть простое воспроизводство их рабочей силы, с очень ограниченными возможностями культурного развития личности. Их свободное время посвящено именно этой репродуктивной задаче. В данном случае потребности и занятия свободного времени определяются характером трудовой деятельности: когда сам труд по большей части сводится к стандартизированному использованию физических сил людей, и следовательно никак не связан с активизацией и развитием их знаний и интеллектуальных способностей, тогда досуг, как правило, не может представлять собой культурную – образовательную деятельность ради развития личности как самоцели. Сама потребность в культурном развитии личности – чужда большинству трудящихся.

Но ситуация меняется коренным образом с ростом интеллектуального содержания труда, с его доминированием в производственной деятельности. Интеллектуальные способности человека, их формирование и развитие, зависят в некоторой степени от условий отдыха, индивидуального потребления и удовлетворения биологических потребностей. Но в основном эти способности формируются и развиваются в самом процессе функционирования интеллекта. Индивидуальное потребление представляет собой биологическую предпосылку формирования и развития интеллектуальных способностей, однако оно само по себе не создает и не развивает их.

Развитие интеллекта–сознания сопряжено с различными формами культурной деятельности людей. Интеллектуальные способности, необходимые для создания,

передачи и применения знаний формируются и развиваются во всех моментах интеллектуально-познавательной активности личности.

Действительно, создание и использование этих способностей не ограничивается конкретными сроками трудовой занятости. Функционирование мышления–сознания простирается, так или иначе, в пространстве и во времени всех повседневных человеческих занятий и социальных контактов, содержание которых решительно влияет на мыслительную активность. Плодотворные моменты интеллектуальной деятельности не ограничиваются рамками условного рабочего времени. Оригинальные гипотезы, новые идеи, проницательные теоретические выводы могут появиться в любое время, часто совершенно неожиданно. Нужно подчеркнуть, что в случае с творческим интеллектуальным трудом традиционная противоположность между рабочим и свободным временем по существу теряет свое значение.

Следовательно, временная продолжительность условного рабочего дня не может является мерой производительности интеллектуально-познавательной деятельности. Интеллектуальный труд не только не может ограничиваться жесткими временными рамками, но и не может измеряться абстрактными временными – количественными показателями, чтобы вознаграждаться их денежным эквивалентом¹⁶. В данном случае рабочее время и управление им (его уменьшение или увеличение) а также потраченное за это время количество физической энергии (абстрактного труда) – не являются больше решающим фактором для развития производительности интеллектуального труда. Интенсификация трудовой активности, под внешнем принуждением, и необходимое для этого осуществление контроля над личностью работника не только не обеспечивает «производительность» интеллекта-сознания, а наоборот разрушает его, катастрофически подрывает интеллектуальную деятельность человека.

Филип Браун и Антони Хескет признают, что в экономике основанной на знаниях и характеризующей быстрыми изменениями, обеспечение производительности работы персонала, которому следует проявлять инициативу, решать проблемы и работать в командах, не может полагаться на внешний контроль¹⁷.

По сути дела, никто не может заставить работников интеллектуального труда быть производительными, так как никто не может заставить их быть творческими. Как

¹⁶ Доминик Форей, касаясь специфики результатов интеллектуального труда и их социальной отдачи, пишет: «Научное или техническое знание являются благом не только трудно контролируемым, но также и не конкурентным и аккумулятивным ... социальная отдача [от этих видов знания – П.П.] может быть настолько существенной, что вознаградить изобретателя соответствующим образом – немисливо. Какова социальная отдача от работы Пифагора и как она может быть ‘справедливо’ вознаграждена?» Foray D. *Economics of Knowledge*. Cambridge, MA: MIT Press, 2004, p. 114-115.

¹⁷ Brown P., Hesketh A. *The Mismanagement of Talent Employability and Jobs in the Knowledge Economy*. Oxford: Oxford University Press, 2004, p. 193.

отмечает известный теоретик менеджмента Питер Драйкер, «Рабочих на протяжении всей истории можно было подвергать надзору. Им можно было диктовать что делать, как это делать, с какой скоростью это делать, и т. п. Работники знаний эффективному надзору не поддаются»¹⁸.

В этом ключе Шошана Зубофф, бывший профессор Гарвардской школы бизнеса, пишет:

«Повиновение было осевым принципом выполнения задач в традиционной среде императивного контроля ... Когда задачи требуют умственного усилия, повиновение может быть дисфункциональным и может препятствовать использованию информации. В таких условиях, внутренняя приверженность и мотивация заменяют власть в качестве основной связи между индивидом и задачей»¹⁹.

Только при условии того, что интеллектуальная деятельность является творческой – интересной для человека и осуществляется ради удовлетворения внутренней потребности в ней (потребности в самореализации личности в этой деятельности и потребности в служении человечеству) можно ожидать полную отдачу всех сил успешному осуществлению этой деятельности, максимально ответственное отношение к ней.

"Производительность" интеллектуальной деятельности определяется не длиной рабочего дня, а всем временем активности интеллекта-сознания, всеми условиями формирования личности, всем спектром её общественных отношений. По этому, моменты повседневной жизни негативно влияющие на человеческую психику и порой разрушающие ее могут основательно подорвать интеллектуальный труд.

Следовательно, интеллектуальный труд для того, чтобы был эффективным, должен осуществляться в условиях благоприятных для развития интеллекта-сознания, в условиях труда и жизни максимально благоприятных для развития личности. Это означает, что труд в качестве интеллектуальной деятельности, впитывая влияние всех аспектов социального, по определению противоречит отношениям классовой эксплуатации, антагонизма и отчуждения. При господстве этих отношений интеллектуальный труд, в общем и целом, деградирует.

Во всех видах человеческой деятельности, в которых определяющую роль играет интеллект-сознание, успешное их осуществление возможно только при условии, что у человека есть внутренняя потребность в них. Здесь мы имеем дело с коренным изменением в отношений между живым и мертвым трудом: целью живого труда становится сам труд как творческий процесс, а не присвоение его результатов, т. е. части овеществленного в продукте мертвого труда. Присвоение части мертвого труда в виде совокупности предметов индивидуального потребления будет всегда представ-

¹⁸ Drucker P. Post-Capitalist Society. N.Y.: Harper Business, 1993, p. 58.

¹⁹ Zuboff S. In the Age of the Smart Machine. The Future of Work and Power. Oxford: Heinemann, 1988, p. 291.

лять собой необходимое условие существования и трудовой деятельности человека. Но целью этой деятельности теперь становится сама деятельность.

В перспективе зрелой автоматизации производства и интеллектуализации труда становится обозримой возможность превращения творческого труда в самоцель. Следует отметить, что труд как самоцель предполагает, что процесс и результаты трудовой деятельности положительно влияют на личность человека, содействуют её развитию. В данном случае сама деятельность должна постоянно развиваться, совершенствоваться, и поэтому трудящемуся человеку должна быть обеспечена возможность завершать конкретный вид деятельности и переходить к новому виду. В. А. Вазюлин пишет что, «совершенствование уже существующего процесса труда и переход к иному, новому процессу труда с точки зрения роли человека есть творчество, такой труд есть творческий труд»²⁰. И так, как совершенство есть красота, то «всякий творческий труд есть труд по законам красоты. Главной, наиболее характерной чертой труда, совершающегося ради потребности в труде, есть творчество по законам красоты»²¹.

Исходя из вышеизложенного, можно сказать, что «вознаграждение» работников умственного труда, которое обеспечивает развитие их способности к интеллектуальной работе, при условии того, что труд для них перестал быть «только средством для жизни» а стал «первой потребностью жизни» должно осуществляться по принципу: «Каждый по способностям, каждому по потребностям!»²². Под «вознаграждение по потребностям» работников интеллектуального труда мы имеем в виду удовлетворение не только биологических, но и культурных потребностей и в первую очередь удовлетворение внутренней потребности в творческой деятельности ради самореализации.

Но как формируется внутренняя потребность человека в труде как в творческой деятельности? В основе этой потребности находится культурный потенциал личности, т. е. приобретенные посредством всей общественной жизни и системы образования знания, интеллектуальные способности и практические навыки, и развившиеся у человека формы общественного сознания (нравственная, эстетическая, философская). У образованной – всесторонне развитой личности приобретенные способности и знания, а также развившиеся формы осознания самого себя как субъекта, в своих связях с другими людьми - субъектами, (формы рефлексирования над самым собой, над смыслом и целью жизни), создают внутреннюю потребность в самореализации. Таким образом, чем более подлинно и всесторонне образован человек, чем более он развит как социальное существо (как личность), тем более развиты его культурные

²⁰ Вазюлин В.А. Логика истории. М.: Изд-во МГУ, 1988, с. 98.

²¹ Там же.

²² Маркс К. Критика Готской программы // К. Маркс, Ф. Энгельс Сочинения. Т. 19, М.: Госполитиздат, 1961, с. 20.

потребности, его внутренняя потребность в самореализации, в творческой деятельности.

Нужно отметить, что всеобщее доминирование труда в качестве творческой деятельности и самоцели означало бы, по существу, снятие труда в традиционном смысле этого слова, т. е. труда как он существует до сих пор в процессе формирования общества. Труд который осуществляется ради самого себя, ради удовлетворения внутренней физической и духовной потребности в нем, есть, как отмечает В. А. Вазюлин, культура, «жизнь культуры в ее основных проявлениях, всесторонняя культурная деятельность»²³.

Интеллектуализация труда и противоречия современного капитализма

Учитывая современные процессы автоматизации производства и интеллектуализации труда, становится ясно, что прогрессивное развитие общества будет все больше зависеть от целенаправленного формирования нового субъекта труда, а именно человека как всесторонне развитой личности с универсальными культурными способностями. Но всеобщее доминирование в системе производства такого типа работника, а также обеспечение необходимых условий для успешного осуществления его трудовой деятельности, невозможно в условиях капиталистического общества.

Капитализм, основанный на эксплуатации наемного труда (в том числе и интеллектуального) и на подчинении всех сфер человеческой деятельности, включая науку, культуру и образование, частным интересам, задачам получения максимальной прибыли и накопления капитала, сильно ограничивает развитие личности, деформирует общественное сознание, как таковое, разрушает социальные связи, необходимые для творческого развертывания интеллектуальной деятельности каждого человека. Глобальный антагонизм и стихийное действие колоссальных экономических сил, производят всемирный хаос и страх, а в сфере общественного сознания – чувство абсурдности и безысходности существования, иррационализм, суеверие и религиозность.

В современной капиталистической системе повсеместная дерегуляция трудовых отношений сопровождается прекаризацией занятости. Все больше и больше трудящиеся, даже имеющие высшее образование и высокую квалификацию, сталкиваются с неопределенностью перспектив трудоустройства, а те кто уже имеет работу – с постоянной угрозой потерять её.

Зигмунт Бауман описывает сложившуюся ситуацию следующим образом: «Работ на всю жизнь больше не существует. На самом деле, работ как таковых, как мы когда-то их понимали, больше не существует. Без них практически нет места для жизни-проживаемой-как-проект, для долгосрочного планирования и далеко идущих

²³ Вазюлин В.А. Логика истории. М.: Изд-во МГУ, 1988, с. 307.

надеж»²⁴.

Несмотря на распространение, в качестве основ успеха передовых фирм, коллегиальных форм работы и горизонтальной коммуникации между сотрудниками, последние переходят из одной группы в другую не развивая постоянных и глубоких связей с коллегами²⁵. Как пишет Ричард Сеннетт «граница между конкурентом и коллегой становится неясной»²⁶.

Налицо – противоречие. С одной стороны, пресловутая «экономика знаний» требует высокого уровня сотрудничества и взаимоподдержки между работниками умственного труда, что в свою очередь предполагает их готовность посвятить себя общему делу, с другой же стороны, свойственные современному капитализму прекарнизация занятости, насаждение антагонизма и агрессивного индивидуализма подрывают основы формирования сплоченных профессиональных команд.

В этой связи заслуживает внимание критическое высказывание Лестера Туроу, бывшего декана школы менеджмента Массачусетского технологического института, в адрес, можно сказать, всей капиталистической «экономики знаний»:

«Глубина и широта знаний, необходимых для успешного экономического производства, требуют, чтобы люди работали совместно в квалифицированных коллективах ... Но капитализм, этот триумф индивидуальности, не может официально признать необходимость коллективной работы. Несмотря на то, что капитализм организуется в коллективы и можно представить, что лояльность к коллективу и желание работать в коллективе приобрели большую важность, исчезают факторы, удерживающие вместе экономические коллективы (пожизненная занятость, реальные увеличения заработной платы)»²⁷.

Особенно негативное влияние на процессы интеллектуализации труда оказывает проводимое во всем капиталистическом мире нео-либеральное реформирование государственных систем образования. Государственное финансирование образования если не сокращается, то ставится теперь в зависимость от достижения школами и вузами, на конкурентной основе, определенных, точно измеряемых результатов. Школы превращаются в центры стандартизированных процедур передачи, тестирования и сертификации весьма фрагментарных и поверхностных знаний. Это сопряжено с сильной формализацией всего образовательного процесса, с ограничением

²⁴ Bauman Z. *Postmodernity and its Discontents*. Cambridge: Polity Press, 1997, p. 36.

²⁵ Sennett R. *The Corrosion of Character . The Personal Consequences of Work in the New Capitalism* N. Y., London: W.W. Norton & Co, 1998, p. 110.

²⁶ Sennett R. *The Culture of New Capitalism*. New Haven; L.: Yale University Press, 2006, p. 52-53.

²⁷ Thurow L. *The Future of Capitalism. How Today's Economic Forces Shape Tomorrow's World*. N.Y.: Penguin Books, 1997, p. 307-308.

автономии, гибкости и творческой активности учителей²⁸. Над последними устанавливается жесткий механизм оценки их работы и управления ею, что существенно подрывает их возможность рефлексировать над собственной деятельностью и развиваться через неё²⁹.

Институционализованная конкуренция среди учителей, от успеха в которой могут зависеть не только их доходы но порой и сама их занятость, приводит к очень негативным последствиям. Согласно меткому замечанию Энди Харгривз «Конкуренция предотвращает школы и учителей от того, чтобы учились друг у друга. Люди держат свои лучшие идеи при себе»³⁰. Учительская работа, хотя и чрезвычайно важна в эпоху интеллектуализации труда, становится стрессовой и неприятной для самых учителей³¹.

Под натиском неолиберальных реформ сильно меняется характер и имеющего стратегического значения для развития экономики знаний высшего образования. Государственные вузы становятся теперь интегральной частью системы рыночных отношений, не только сотрудничая широко с различными компаниями но и сами превращаясь в коммерческие структуры.

Вследствие этого, научно-исследовательская деятельность ориентируется на су-губо прикладные направления, сулящие быструю экономическую выгоду, подчиняясь режимам секретности и порой деформируясь практикой искажения результатов под давлением рыночных сил, финансирующих её³².

Дерек Бок, бывший президент Гарвардского университета, отмечает, что «много коммерчески прибыльного исследования – тривиально с научной точки зрения, поскольку самые важные задачи в области науки часто включают вопросы, исследование которых ни одна компания не будет поддерживать, потому что ответы на них принимают форму общих законов природы, и не приносят особые выгоды фирме финансирующей исследование»³³.

Развитие конкурентных отношений между университетами для привлечения студентов-клиентов и дополнительных источников финансирования сопровождается подчинением академической (преподавательской и исследовательской) работы практике и механизмам оценки её эффективности, что означает её постоянное измерение

²⁸ Aronowitz S., Giroux H.A. Education Still Under Siege. Westport, CN and London: Bergin & Garvey, 1993, p. 33-39.

²⁹ Hargreaves A. Teaching in the Knowledge Society: Education in the Age of Insecurity. New York: Teachers College Press. 2003, p. 10, 82, 108.

³⁰ Ibid., p. 168.

³¹ Ibid., p. 108, 119.

³² Washburn J. University, Inc. The Corporate Corruption of Higher Education. NY: Basic Books, 2006, p. 1-24, 74-84, 109-117.

³³ Bok D. Universities in the Marketplace. The Commercialization of Higher Education. Princeton, N.J.; Oxford: Princeton University Press, 2003, p. 111.

на основе формализованных, по сути количественных критериев: число публикаций, индексы цитирования, импакт-фактор журналов, число полученных грантов и т. д.

Жесткая, антагонистического типа практика оценки академической работы, в сочетании с прекаризацией занятости академических работников, функционирует как мощнейшее средство подчинения последних доминирующим институциональным порядкам, научным парадигмам и идеологическим установкам. Как едко отмечает Рассел Якоби, «полшага свернуть с проторенного пути и они обращаются за пособиями по безработице (на получение которых они часто не имеют права)»³⁴. Неудивительно, что в этих условиях связи с общественностью, конформизм, тривиальность и поверхностность идей становятся важными средствами успешной академической карьеры³⁵.

К чему сводится неолиберальная политика в сфере науки и образования, т. е. в самой критической сфере интеллектуальной деятельности человечества? Она сводится к тому, чтобы приспособить эту деятельность к потребностям капиталистического способа производства, превратить её в органическую часть этого способа. Через эту политику капитал старается навязать интеллектуальному труду буржуазную меру «рабочего времени»³⁶. Старается измерять его производительность во времени на основе сопоставления вложенных средств с полученной отдачей.

Но как можно измерить производительность интеллектуального труда (скажем, труда учёного – исследователя, конструктора, изобретателя, преподавателя вуза или учителя), как можно определить полезный эффект его результатов и размеры его эквивалентного денежного вознаграждения (стоимость «рабочей силы» его носителей), когда речь идет о по преимуществу общественном труде, который выходит за рамки конкретного рабочего времени, простираясь на все моменты творческой активности сознания, испытывает влияние всех условий жизни личности, и его результаты воплощаются самыми разными и непредсказуемыми способами в сознании, жизни и деятельности огромного числа людей, не только настоящих, но и будущих поколений?

Конечно количественно измерить производительность интеллектуального труда не возможно. Но, современный капиталистический мир старается это делать, добиваясь её интенсификации, частного присвоения её результатов и их максимально прибыльной утилизации. В общем и целом он старается поступать с интеллектуальным трудом так же, как поступает с физическим, т. е. эксплуатировать его³⁷.

³⁴ Jacoby R. *The Last Intellectuals: American Culture in the Age of Academe*. NY: Basic Books, 2000, p. 139.

³⁵ *Ibid.*, p. 146.

³⁶ Маркс К. *Экономические рукописи 1857-1861гг. ч. II*. М.: Политиздат, 1980, с. 216-217.

³⁷ Это, конечно, вовсе не исключает существования центров капиталистической экономики знаний, в которых часть работников интеллектуального тру-

Этот старый новый мир

Динамику современных процессов интеллектуализации труда некоторые исследователи поспешили воспринять как совершающийся переход к некоему другому типу общества. Характерным примером являются широко известные концепции «постиндустриального общества» Даниэла Белла³⁸, «третьей волны» Элвина Тоффлера³⁹ и «посткапиталистического общества» Питера Дракера⁴⁰. Эти исследователи (как и многие другие, мыслящие в том же русле), применяя сугубо техницистский подход к новым явлениям, обрисовали упрощенную картину спонтанно-эволюционного перерождения капитализма в нечто иное, в экономическую систему, в которой будут доминировать информационные технологии и знания, а работникам знаний якобы будет принадлежать реальная власть в обществе. Следует заметить, что, несмотря на их некоторые интересные наблюдения, они явно проигнорировали роль капиталистических производственных отношений, как в разворачивании самых процессов интеллектуализации труда, так и в определении направленности и характера этих процессов, а также в вызове сопряженных с ними острых социальных последствий. Таким образом, они выдали за новый мир новые, существенные черты старого капиталистического мира, составляющие его сущностное противоречие между развивающимся на новом уровне общественным характером труда и антагонистическим характером господствующих производственных отношений.

Но нам хотелось бы подробнее остановиться на других интерпретациях интеллектуализации труда, принадлежащих к «неомарксистскому» течению постопераизма, которые в большей степени стараются учесть переплетение новых явлений в сфере производства с капиталистическими отношениями.

Среди них, в концепции итальянского теоретика Паоло Вирно утверждается, что при наступлении постфордистского этапа капитализма доминирующим в обществе становится «всеобщий интеллект», который включает в себя «формальное и неформальное знание, воображение, этические склонности, менталитеты и 'языковые игры'»⁴¹. Теперь, все культурное богатство приобретаемое человеком в нерабочее время используется в производстве товаров, становясь частью потребительной стоимости рабочей силы. Вирно считает, что весь «живой пост-фордистский труд», в той мере в которой он предполагает когнитивные способности, можно определить как «массовую интеллектуальность»⁴².

Рассуждая, примерно в том же духе, Карло Верцеллоне выдвигает концепцию

да может пользоваться весьма привилегированными условиями занятости.

³⁸ Bell D. *The Coming of Postindustrial Society*. N.Y.: Basic Books, 1973.

³⁹ Toffler A. *The Third Wave*. N.Y.: Bantam Books, 1981.

⁴⁰ Drucker P. *Post-Capitalist Society*. N.Y.: Harper Business, 1993.

⁴¹ Virno P. *General intellect // Historical Materialism*. 2007. № 15(3), p. 5.

⁴² *Ibid.*, p. 6.

«когнитивного капитализма», согласно которой капитализм в своем развитии, перешедший раньше от стадии формального подчинения труда капиталу (когда еще доминировали в производстве знания ремесленного рабочего) к стадии реального подчинения (для которого характерно индустриальное разделение труда и отрыв основной массы рабочих от интеллектуальных – когнитивных функций), вступает теперь в третью стадию, так называемого когнитивного капитализма или пост-фордизма, для которого характерно возрастание аматериального характера труда. На этой третьей стадии подчинение труда капиталу становится опять формальным⁴³.

Согласно Верцеллоне, на первой стадии формального подчинения труда капиталу, при отсутствии независимого от рабочих производственного механизма, последние, опираясь на свое эмпирическое знание, сохраняли контроль над собственной трудовой деятельностью, в то время как капитал для эксплуатации их труда был вынужден ограничиваться финансово-монетарными средствами (рабочие, не имеющие средств к существованию продавали свою рабочую силу капиталистам). Реальное подчинение труда капиталу было достигнуто, когда было обеспечено подчинение живого знания, воплощенного в рабочей силе, мертвому знанию, воплощенному в основном капитале.

На стадии пост-фордизма восстанавливается опять формальное подчинение труда капиталу, так как, благодаря массовому образованию трудящихся, появляется то, что Верцеллоне называет «диффузной интеллектуальностью», т. е. живая рабочая сила приобретает опять свои когнитивные качества, а в трудовой деятельности доминирующим становится коллективный рабочий, носитель всеобщего интеллекта. Когда же знание и его диффузия утверждаются как главной производительной силой, отношения доминирования мертвого труда над живым вступают в кризис, и опять начинают ограничиваться денежной зависимостью трудящихся от капитала⁴⁴.

Другой представитель постопераизма, Маурицио Лацарато, обозначает новые явления в сфере производства термином «аматериального труда». Под ним он понимает труд структурирующийся в непосредственно коллективных формах, производящий информационное и культурное содержание товара. Как он считает, понятие аматериального труда относится к двум разным аспектам товара: со стороны его информационного содержания оно касается реализации способностей трудящихся связанных с кибернетикой, с управлением компьютерами а также с горизонтальной и вертикальной коммуникацией, со стороны же культурного содержания товара, оно касается разных форм деятельности, которых не возможно считать «трудом», как например «определение и фиксирование культурных и артистических стандартов,

⁴³ Vercelone C. From formal subsumption to general intellect: elements for a Marxist reading of the thesis of cognitive capitalism // Historical Materialism. 2007. № 15(1), p. 15-16, 24.

⁴⁴ Ibid., pp. 27, 29-30.

мод, вкусов, потребительских норм и, в более стратегическом плане, общественного мнения»⁴⁵.

Термином «аматериальный труд» также пользуются в своих работах Антонио Негри и Майкл Хардт. При этом они выделяют две формы аматериального труда, первая из которых касается труда как интеллектуальной или лингвистической деятельности (включая в себя решение проблем, символические и аналитические задачи, языковые выражения), а вторая, называемая «аффективным трудом», касается услуг вызывающих конкретные аффекты (например работы юридического помощника, стюардессы, служащего в сфере быстрого питания)⁴⁶. Согласно Негри и Хардт, кооперация является неотъемлемой частью аматериального труда, и данное обстоятельство «ставит под сомнение старое определение (свойственное классической и марксистской политической экономии), в соответствии с которым рабочая сила рассматривается как, переменный капитал, то есть как сила, которая задействуется и объединяется только благодаря капиталу, поскольку способность рабочей силы к кооперации (особенно в аматериальном производстве) дает труду возможность самому повышать свою стоимость»⁴⁷.

Негри и Хардт приходят к выводу о том, что «в наши дни производительный труд, богатство и создание общественных излишков принимают форму кооперативного взаимодействия за счет лингвистических, коммуникационных и аффективных связей. Таким образом, в выражении своих собственных созидательных возможностей аматериальный труд несет в себе потенциал некоего стихийного и изначального коммунизма»⁴⁸.

Относительно теоретических идей представителей постопераизма нам хотелось бы отметить явно замысловатый – расплывчатый характер концепции «аматериального труда», которая уводит в сторону от самого важного изменения в труде, связанного с превращением науки в производительную силу. Пресловутый «аматериальный труд», сводимый к управлению информацией, лингвистической деятельности и производству аффектов, ровно ничего не значит для осмысления процессов ведущих к настоящей интеллектуализации труда и созреванию его общественного характера. Это по тому, что во первых такие «аматериальные» явления как производство аффектов и «лингвистическая» - «коммуникативная» деятельность можно запросто наблюдать и в докапиталистических формациях (например труд знахарей, глашатаев, коробейников, циркачей и шутов). А во вторых, разные виды «аффективной»

⁴⁵ Lazzarato M. *Immaterial Labor* / P.Virno, M.Hardt // *Radical Thought in Italy. A Potential Politics*. Minneapolis, London: University of Minnesota Press, 1996, pp. 113, 133.

⁴⁶ Hardt M., Negri A. *Multitude. War and Democracy in the Age of Empire*. N.Y.: The Penguin Press, 2004, p. 108.

⁴⁷ Хардт М., Негри А. *Империя*. М.: Праксис, 2004, с. 275.

⁴⁸ Там же.

«лингвистической» и «коммуникативной» деятельности встречающиеся в современном капитализме, наряду с разными формами информационного труда, могут запросто касаться, и они сплошь и рядом касаются, механических, стереотипных, сугубо рассудочных умственных операций, организованных по всем правилам фордизма – тейлоризма, которые не только не дают трудящимся новые, повышенные возможности контроля над их деятельностью, но наоборот они приводят к умственной – психической изношенности и деградации.

Что же касается вопроса о подчинении труда капиталу, то следует отметить, что при первых формах капиталистического производства (простая кооперация, мануфактура), когда еще не был преобразован унаследованный материальный базис, рабочие (в качестве ремесленных рабочих) подчиняются формально капиталу, потому, что они в большинстве своем могли работать в докапиталистического типа ремесленных мастерских и не были обязаны продавать свою рабочую силу капиталистам. Формальное подчинение труда капиталу означало что новый, капиталистический способ производства ещё не охватил все общественное производство, что, наряду с ним, сохранялся ещё докапиталистический способ, в виде феодального ремесла.

Но при индустриализации производства и преобразовании старого материально-го базиса на лад адекватный капиталистическим отношениям, последние становятся всеохватывающими, наемный труд на капиталистов – неизбежным для подавляющего большинства трудящихся, а подчинение труда капиталу – реальным. Говоря о реальном подчинении труда капиталу мы имеем в виду не форму (фордистскую – тейлористскую) организации производства и управления трудом, на чем делает акцент Верцеллоне, а то, что производство, превратившись в огромную индустриальную систему, позволяет капиталистическим отношениям (отношениям купли и продажи рабочей силы) доминировать во всем обществе.

Развертывание сегодня процессов интеллектуализации труда (что часто сопряжено с изменением форм организации трудовой деятельности и управления ею) ничуть не означает переход опять к формальному подчинению труда капиталу. Дело в том, что при нынешней, не зрелой автоматизации производства, мы еще далеки от ситуации, в которой непосредственный труд не будет больше являться базисом производства, так как он превратится в «деятельность по наблюдению и регулированию»⁴⁹. В нынешних условиях «всеобщий интеллект» еще не может непосредственно (минимальными физическими действиями) приводить в движение систему производительных сил. Иными словами, интеллектуальный труд в современном капитализме не представляет собой нового способа производства. Деятельность работников интеллектуального труда не может являться непосредственно производительной, а

⁴⁹ Маркс К. Экономические рукописи 1857-1861 гг. ч. II. М.: Политиздат, 1980, с. 220.

приобретает производственное значение только как часть коллективного общественного труда, только в единстве с огромным количеством физического труда, все ещё необходимого для оперирования индустриальными средствами производства.

Так как физический труд остается в целом подчиненным основному капиталу – механизированному производственному организму, интеллектуальный труд, как зависимый ещё от физического для включения в систему производства, неизбежно подчинен производственному организму и контролирующему его капиталу. Реальное подчинение труда капиталу означает что работники как физического так и интеллектуального труда должны продавать свою рабочую силу (способность к труду) капиталу для того, чтобы участвовать в общественном производственном процессе.

Капитал как пишет К. Маркс выступает «в качестве представителя всеобщего общественного труда»⁵⁰. Он есть отчужденная от непосредственных производителей социальная связь, сила обеспечивающая, хоть и через антагонистические рыночные отношения, взаимосвязь между частями индустриальной производственной системы. В той мере, в которой капитал объединяет разные – разобщенные части физического труда (разобщенные системы «средства труда – рабочий/рабочие»), он осуществляет объединение и интеллектуального труда с физическим. Эта критическая функция позволяет капиталу, в общем и целом, контролировать производственную деятельность общества, включая и интеллектуальную, и решать какие виды интеллектуального труда ему нужны и какие не нужны, что отражается и в его решающем влиянии на организационно – институциональные формы осуществления интеллектуального труда.

В отличие от точки зрения постопераизма полагающей, что на стадии постфордизма распространение интеллектуальных аспектов труда в системе производства повышает автономию трудящихся по отношению к капиталу, мы считаем, что проникновение научных знаний в производство, при не зрелой автоматизации последнего и, следовательно, при сохранении огромной массы физического и стереотипного умственного труда, сопряжено с невиданным раньше подчинением интеллектуальных сил трудящихся капиталу.

Пока трудящиеся не являются собственниками средств производства (пока не установлена государственная – общественная собственность на средства производства) соединение между трудящимися (физического и интеллектуального труда) и средствами производства, а также между самими трудящимися в производстве, будет осуществляться (в условиях современного глобального разделения труда) капиталистическими производственными отношениями как всеобъемлющими отношениями. С этой точки зрения, достижение реальной автономии труда от капитала означает переход в новый способ производства, что возможно только при условии того, что работники как физического так и интеллектуального труда объединятся против

⁵⁰ Там же, с. 208.

власти капитала и поставят под собственный контроль весь производственный организм, всю систему производительных сил в целом.

Интеллектуальный труд, как часть всей интеллектуальной деятельности человечества, приобретает своё самое настоящее социальное значение только тогда, когда воплощается в комплексном широкомасштабном и перспективном планировании производительных сил общества, в постановке стратегических, долгосрочных целей преобразующей мир человеческой деятельности, в научном изучении фундаментальных вопросов и проблем, решение которых кардинально меняет наше понимание мира, открывая новые возможности взаимодействия с ним. Наибольшая социальная востребованность интеллектуального труда мыслима только в обществе, которое обращено к будущему, которое самым основательным образом планирует и творит свое будущее.

Капитализм, в силу его сущностной специфики, не способен решать кардинальные проблемы человечества (например, проблемы защиты биосферы) на уровне долгосрочного планирования его развития. Лестер Туроу отмечает, что капиталистическому обществу в принципе не свойственно заниматься такими проблемами, так, как они требуют принятия мер долгосрочного характера, которые принесут пользу через много лет, что неприемлемо с точки зрения капиталистической погони за сиюминутной прибылью. По этому капиталистическое общество перекладывает решение этих проблем на будущие поколения⁵¹.

Опасность от такого отношения к кардинальным проблемам человечества заключается в том, что, как пишет Лестер Туроу

«В конце концов явится поколение, которое не будет в состоянии выжить в изменившейся земной среде, но людям будет поздно что-либо предпринять, чтобы предотвратить свое исчезновение. Каждое поколение принимает хорошие капиталистические решения, но в итоге получится коллективное социальное самоубийство»⁵².

Если интеллектуальный труд, по сути своей, является непосредственно общественным трудом, то перспектива успешного завершения наблюдаемых сегодня процессов интеллектуализации труда неизбежно связана с необходимостью выхода человечества из своей «предыстории», из мира классовой эксплуатации, антагонизма, всеобщего отчуждения, морального и духовного убожества, с необходимостью созревания общественных отношений, как таковых. Общество, соответствующее доминированию интеллектуального труда – это то, которое объединив свои производительные силы сознательно организует своё производительное взаимодействие с природой, – это общество единых в своем многообразии людей, являющихся коллективным субъектом производства и творцом социального прогресса.

⁵¹ Thurow L. The Future of Capitalism. How Today's Economic Forces Shape Tomorrow's World. N.Y.: Penguin Books, 1997, p. 303.

⁵² Ibid.
